

НАТАЛИЯ КОВАЛИСКО,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии исторического факультета Львовского национального университета имени Ивана Франко (79000, Львов, ул. Университетская, 1)

NATALIA KOVALISKO,

Doctor of Sciences in Sociology, Professor at the Department of Sociology, Faculty of History, Ivan Franko National University of Lviv (1, Universytetska St., Lviv, 79000)
kovalisko@mail.lviv.ua,
<https://orcid.org/0000-0002-1466-6132>

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

SERNII MAKEIEV,

Doctor of Sciences in Sociology, Head of the Department of Social Structures, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)
smakeev950@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4418-8741>

Социология социальной структуры поколения

Внимание исследователей к социологическим понятиям подчиняется не во всем очевидным правилам, иногда возрастая, а временами сменяясь глубоким равнодушием, которое сродни забвению. Если не говорить о литературе по истории, маркетингу, менеджменту, педагогике и психологии, то в нашей дисциплине статьи и книги с вынесенным в заголовок понятием «поколение» в последние два десятилетия встречаются гораздо чаще, чем раньше. Достоверность такого рода утверждений заверена не только утверждениями авторов, но и составленной ими довольно подробной библиографией, пусть даже в причинах явления не принято разбираться [Bristow, 2016: pp. 1–18; Connolly, 2019: pp. 153–154].

Между тем очевидно, что тонус интереса социологов к проблеме поколений исправно повышается всякий раз, когда явственно обозначается или же предвкусимо ожидается переход от одного состояния общества к другому. Что чаще всего является следствием особенных Событий — обыкновенно революций, войн, явлений вроде распада империй или возникновения новых государств,

Цитирование: Ковалиско, Н., Макеев, С. (2021). Социология социальной структуры поколения. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 2, 60–74.

а ныне еще и невиданных темпов смены технологий производства и коммуникаций, формируя поколения из нескольких возрастных групп («военное поколение», например). Когда непрослеживаемыми путями массово ощущается неустойчивость социальных структур и прежних, очевидно обветшавших и далее нетерпимых порядков властвования, признания, значимости, когда прежде казавшиеся несбыточными возможности видятся осуществимыми. Когда событием распада огромной страны прерывается уникальный проект лонгитюдного исследования под руководством М. Титмы о жизненном пути тех, кто родился во второй половине 60-х годов прошлого века в СССР. Когда возникает уверенность, будто «поколение» и есть тот концепт, который позволит если не понять, то хотя бы отчасти прояснить конфликтно-созидательную алхимию изменений политических, экономических, социально-культурных ландшафтов.

В качестве иллюстрации сошлемся на предчувствие «иного времени и нового поколения» как реакцию российских и польских исследователей на происшествия, коллизии и факты последнего десятилетия XX века, в частности, на содержательную публикацию о понятии «поколение» Б. Дубина и приведенную там библиографию работ его коллег рубежа веков и предшествующих им в большинстве своем франкоязычных работ, нам, увы, недоступных [Дубин, 2002]. Вспомним и обобщающую коллективную монографию под редакцией Ю. Левады и Т. Шанина [Левада, Шанин, 2005], публикацию В. Магуна о революции притязаний молодежи [Магун, 1998], книгу В. Радаева о поколении миллениалов [Радаев, 2019]. В этом же ряду вполне сохраняющие познавательную значимость и научную состоятельность аналитические обзоры метафор и концептуализаций проблемы поколений, которые содержатся в работах Т. Шанина [Шанин, 2005] и Ю. Левады [Левада, 2001], как и эмпирические исследования в рамках проекта «Поляки» под руководством В. Адамского (подр. см.: [Заборовский, 2005]).

В отечественной социологии богатая традиция исследований в рамках социологии молодежи, а публикация Е. Головахи о жизненных перспективах и профессиональном самоопределении новых генераций остается образцом синтеза теоретического анализа и эмпирических фактов [Головаха, 1988]. В исследованиях перехода молодежи от образования к труду [Оксамитна та ін., 2010], как и в наблюдениях за межгенерационной мобильностью [Оксамитна, 2011] принято группировать родившихся приблизительно в одно время в когорты/поколения. Известны попытки дать своеобразную трактовку поколению [Бойко, 2011], анализировался и конфликт поколений в Украине [Сенюшкіна, 2013], и трудности взросления [Іваненко, 2019]; популярны описания ситуаций самых молодых поколений на рынке труда [Нагорняк, 2020; Колот, Герасименко, 2020]. Оригинальные результаты получены в репрезентативном опросе молодежи в возрасте 14–29 лет, в котором в таблицах двумерных распределений фигурирует разделение на пятилетние когорты [Зарембо, 2017]. А поиск в украинском сегменте Сети по запросу «теория поколений» даст многочисленные ссылки на типологию поколений от историков и демографов У. Штрауса и Н. Хоува и ее приложения в педагогике, психологии, юриспруденции. Без всего этого как лучше, в смысле производительнее, употребить на общее, частное или его же благо свойства и качества представителя «Поколения X, Y, Z»? И вообще, обсуждение социальных, политических, культурных, семейных проблем с привлечением концепта «поколение» ведется не только в экспертных кругах, но и

в публичном дискурсе, став там общим местом [White, 2013: pp. 216–217]. Концепт, обращающийся в столь различных средах и сопровождаемый изрядным информационным шумом, тем более нуждается в уточнении собственно социологической интерпретации, того, что допустимо — на основании веских аргументов — именовать «поколением».

Сетования на отсутствие точного определения понятия, точнее, объекта внимания и анализа, столь часто встречающиеся в публикациях гуманитариев и обществоведов, всегда раздражали представителей естествознания, пренебрежительно именовавших социальные и филологические дисциплины «псевдонауками». Имея в виду, похоже, что такие самопризнания, обладающие всеми признаками саморазоблачения, способны лишь усугублять понятийную неразбериху, что и свойственно «псевдонаукам». Поколение и вправду часто предстает в публикациях чем-то неопределенным, упрощенным, даже иллюзорным и метафорическим. Или же, напротив, изощренно-сложным — вследствие соотношенности с историческим, социальным и культурным контекстами в их изменчивости во времени, как мы находим это у Б. Дубина.

Что там говорить, такой объект и впрямь практически бесполезно стремиться точно или универсально определить: многообразие конкретных исследовательских ситуаций настоятельно требует вводить упрощения и налагать ограничения на ареалы и убедительность объяснительных интерпретаций. Но и тогда затруднения с операционализацией, приспособлением концепта к потребностям эмпирического исследования преодолеваются не полностью. Даже после обращения к классическим текстам и современным публикациям.

Небогатое наследие классиков

Написанное О. Контом о поколениях еще только предстоит внимательно прочитать. Как и многое другое в его огромном корпусе работ, оно прошло мимо внимания как адептов, так и историков социологической мысли. Не будет преувеличением сказать, что никто из социологов не взял на себя труд реконструировать то, как давший имя новой дисциплине представлял роль и значимость поколений в функционировании общества. И наше дальнейшее изложение крайне схематично и не полно, а за подробностями следует обращаться к О. Конту или, подобно нам, к фундаментальному трехтомному исследованию М. Пикеринг в жанре интеллектуальной биографии [Pickering, 1993, 2009], хотя сама автор специально подобный сюжет не рассматривала.

В утопии О. Конта о наилучшем строении общества, описанном в четвертом томе «Системы позитивной политики» (подр. см.: [Makeев, 2013]), не нашлось места равенству, его место занимает «fraternity». То понятие, которому он отдал решительное предпочтение еще в «Курсе позитивной философии», недвусмысленно отсылает к многообразию отношений, спланивающих индивидов в солидарные сообщества. У него не менее трех значений, образующих конъюнкцию. Во-первых, «братство», некое родство всех со всеми, принадлежность к одному роду, соприсутствие с живыми и память об ушедших. Во-вторых, «дружба» на основе общности взглядов, ценностей, привычек, устремлений, взаимной симпатии. В-третьих, «содружество/ассоциация/общинность», в основании которой совместно разделяемые нормы, правила, традиции. Системой ритуалов

воспроизводится полномасштабная конфигурация социальной конституенты — контовская мечта о едином человечестве, где социальные и возрастные различия сохраняются, но никакого статусного значения не имеют.

Вот там-то, в утопии, доселе несправедливое по своим исходам беспокойство истории окончательно укрощается. В середине XIX столетия прорицание конца истории исходит от людей, считающих себя учеными. И у О. Конта, и у К. Маркса с Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» это было и серьезно, и оптимистично, однако приверженцев/посвященных случилось не много. Конт задачу своего поколения и некоторых последующих усматривал в том, чтобы разработать и воплотить в жизнь такие мораль и правила совместного существования, которые бы окончательно и навсегда гармонизировали мир людей — осуществили кардинальную социальную регенерацию (пересоздание, основательное переделывание). Указание на подобную, кажется, что имманентную, миссию поколения — едва ли не рефрен в его переписке с друзьями и последователями, а также в системе позитивной политики.

Причем предшествующие поколения такую цель перед собой не ставили, а следующие будут жить тогда, когда она будет достигнута, и все биологические поколения согласованно станут воспроизводить разумные и достойные условия и порядки совместной жизни. Им уже не встретиться с необходимостью что-то социально значимое вырабатывать, создавать, порождать — все те семантические оттенки, что присутствуют в английском «generation» и французском аналоге, но начисто отсутствуют в русском и украинском вариантах слова «поколение». Никаких разрывов и конфликтов между молодыми, зрелыми, стариками — «утопия без поколений», скажет много позднее К. Маннгейм, не называя имен.

После О. Конта трактовка поколения в качестве активного субъекта, способного и стремящегося изменять/совершенствовать общество в целом или его сегменты, становится общеупотребимой в научном и публичном дискурсе. Вследствие того, вероятно, что неверное/утопичное в целом воззрение бесприменно содержит искренние и благородные достоверности, неотводимые резоны; контовское суждение о заранее обдуманной или же инстинктивно избранной, бескорыстно и благожелательно направленной на других и всех вообще активности поколения именно таково. Если же ожидание деятельной субъектности не оправдывается, то впоследствии стали говорить и писать о «потерянном» поколении, внутренне «дегенерирующем», не обозначающем свое присутствие, как бы самостоятельно/инициативно «исключенном», существующем без приобщения, без касательства к чему-либо внешнему.

Но трактовка О. Контом роли поколений в переустройстве и функционировании общества и отрицание какой бы то ни было роли в грядущем социальном порядке так и не была оценена ни критически, ни восторженно. Э. Дюркгейм ни разу, похоже, на его работы не сослался, несмотря на общий интерес к теме места и роли религии в поддержании устойчивости структур и отношений в обществе посредством коллективных чувств и ритуалов. У М. Вебера в «Протестантской этике и духе капитализма» слово «поколение» встречается исключительно в сочетаниях «первое поколение методистов», «два поколения до...», «анабаптисты... дискредитированы... вплоть до пятого поколения». То есть поколение здесь или условно обозначенная точка на временной шкале, или неко-

торый, точно не обозначенный, но всеми вроде бы понимаемый масштаб (или правило) счета времени/пространства. И только в лекциях для публики, читаемых в 1915–1918 годах, особенно в «Политике как призвании и профессии» и в «Науке как призвании и профессии» лейтмотивом звучит надежда на новое поколение политиков и ученых, способных выстроить (в контовском лексиконе — регенерировать) более совершенное жизнеустройство и мироустройство.

И потому социологически внятный разговор о поколении принято начинать с самого начала, а началом является К. Маннгейм.

К. Маннгейм: усмотренное и признанное

Работа «Проблема поколений» впервые опубликована в 1928 году (см.: [Mannheim, 1952: pp. 276–322]; здесь реферируется первый перевод на английский; русский перевод впервые опубликован в № 2 журнала «Новое литературное обозрение» (НЛО) за 1998 год). В библиографии 33 источника, но произведений М. Вебера среди них нет. Как и Э. Дюркгейма и О. Конта, который хоть и назван, но всего в одном абзаце. О поколениях размышляют философы, антропологи и историки, именно их более или менее удачные разработки служат и критически оцениваемым контекстом, и тем, чему необходимо предложить альтернативу.

Однако не вызывает сомнений, что К. Маннгейм разделяет со своими предшественниками в социологии представление о процессуальности и изменчивости условий и форм совместного существования людей. Причем поколения способны быть маркерами дискретности социального времени, указаниями на границы или разрывы в качественно своеобразном состоянии, подобно носителям дюркгеймовских механической или органической солидарности в рамках больших периодов истории человечества. А сегодня увлеченно и со знанием дела говорят о «глобальных поколениях» [Edmund, Turner, 2005]. Поколения могут использоваться и в качестве незамысловатой, но выразительной метрики социального пространства/времени, как это видим у М. Вебера. Цель же эссе «Проблема поколений» амбициознее: впервые представить собственно социологическую интерпретацию такого социально-биологического феномена, как поколение, то есть «снять/разрешить проблему».

Текст выстроен по классическим научным образцам — сначала наработки предшественников, а потом изложение предлагаемой концепции. Состоит из двух неравных частей; в первой, короткой предложена трактовка поколений представителями французского позитивизма и немецких «наук о духе». Вторая же, более подробная содержит развитой словарь языка, на котором следует изъясняться в том случае, если речь заходит о структуре совокупности одновременно живущих людей: «Социологическая проблема поколений». Причем социология, в полном согласии с Э. Дюркгеймом, считается наукой о коллективных представлениях, не практикующей репрезентативных опросов населения.

Что и как думать о поколении, полагает К. Маннгейм, определяется более общей проблемой. Для О. Конта и для всего комплекса социальных и гуманитарных наук таковой был прогресс, видимое движение истории, то, как общество в своих компонентах и степени согласованности между ними обновляется (ювенилизуется) с каждой сменой поколений. Но позитивизм удовлетворялся констатацией, что темп прогресса ограничен биологической длительностью смены

поколений сроком в 30 лет. Для индивида это возраст максимума созидательных способностей, но если бы дистанцию между поколениями можно было сократить, то и прогресс стал бы более быстрым. Другими словами, наблюдению подлежит прогресс, а поколение является и способом различать изменения, и, в принципе, статистически вычисляемым фактором, определяющим скорость и ритм эволюции истории.

В отличие от позитивистской традиции, в немецкой, историко-романтической, в постижении поколения интуиции следует отдать решительное предпочтение перед калькуляцией границ, временных контуров поколения. Фокус исследовательских усилий надлежит установить (в тексте ссылки на В. Дильтея) на понимании интеллектуальной эволюции, поскольку история идей не квантифицируется. И тогда акцент переносится на совместное существование поколений, на циркуляцию и конкуренцию различающихся идеалов и ценностей, на способы их распространения, навязывания, отклонения. Само время здесь — не внешняя рамка в виде вечного хронометра, но время переживаемое, обозначаемое одновременно и как жизненный путь, и как предназначение, и как выбор, и как возможность, и как ограничение. Что, впрочем, вовсе не гарантирует связь времен, которая способна фатально распадаться, так что живущие вместе перестают видеть друг в друге современников. Само время обретает множественные измерения: практиками и влечениями индивидов оно дробится не на свои естественные единицы, но дифференцируется на разнокачественные «времена», фактически — на разнокачественные поколения.

В социологии же (вторая часть работы) интерес к поколению неизбежен вследствие необходимости понять факторы и особенности социальных изменений. Традиционно любой объект здесь рассматривается в статике и динамике с учетом исторического контекста. Исследование (анализ) поколения состоит из нескольких обязательных действий.

Во-первых, устанавливается *структура поколения* (социальная локализация), поскольку поколение заведомо неоднородно. Оно состоит из общностей на основе взаимной симпатии, разделяемых идеалов, интересов, ценностей, совместных действий или совершаемых обрядов. Таковыми бывают семья, клика, ассоциация, кружок, союз, клан, секта. Столь же равноправным элементом структуры поколения является положение в системах экономических и властных отношений — классы/классовые позиции. Не имеет смысла говорить о поколении вообще, большая конкретность достигается при различении «единиц/частей/элементов поколения», «актуальное поколение», «позиция поколения» [Mannheim, 1952: pp. 288–289, 303, 305–306, 308, 311].

Во-вторых, принадлежность к определенному элементу структуры, занимаемая позиция выводит за горизонт доступности многообразные иные способы мыслить, воспринимать, чувствовать, действовать [Mannheim, 1952: pp. 296–298]. Но случившаяся или унаследованная локализация не только ограничивает, но устанавливает стандарты и возможности осмысливать мир и действовать в нем. Задача исследователя состоит в том, чтобы *открывать и описывать такие присущие/предписанные позиции несбыточности и эвентуальности*.

В-третьих, поскольку поколение (возрастная категория) включено в конкретный социально-исторический контекст, то его конститутивными признаками являются стратифицированные между поколениями и внутри отдельного

поколения *жизненный опыт* [Mannheim, 1952: p. 297], *способы и образцы чувствовать, мыслить, действовать*. Усвоение норм и установок, формирование привычек, манер и стандартов взаимодействия со «своими» и с «чужими» происходит в процессе взросления, перехода от детства к юности, зрелости, старению. Отслеживанию подлежит не просто биологический ритм жизни, но, в современной терминологии, этапы *социализации*, практики присвоения обществом индивидов и, напротив, разные формы сопротивления им, неприятия общества, до сих пор политкорректно именуемые «отклоняющимся поведением». Другими словами, следует не упускать из виду всегда имеющую место быть стратификацию опыта.

В-четвертых, установлению экспериментально подлежит то, как опыт и образцы перемещаются между поколениями и какие модификации претерпевают, что в транслируемом наследии принимается, а что отвергается как ненужный балласт знаний и умений [Mannheim, 1952: pp. 296, 299–301]. Внимание на роли памяти в обеспечении преемственности, на особенностях инкорпорации прошлого в настоящее одновременно предполагает неравнодушный присмотр за тем, что праведно/неправедно забывается или активно изживается. А также — заинтересованность в будущем, ведь отдельные фракции поколения (занимающие определенные позиции) способны создавать новые паттерны поведения и восприятия (установки, интеллектуальные тренды), хотя никогда нельзя уверенно утверждать, происходит ли при этом возрастание общего культурного капитала.

В-пятых, течение жизни поколения нередко переориентируется или радикально преобразуется событиями, которые К. Маннгейм называет «новыми контактами» [Mannheim, 1952: pp. 293–294, 301]. Тем, что разделяет время на «до» и «после», служит началом «новой жизни». Переезд из сельской местности в город, окончание учебы, устройство на работу именно таковы. Отличающиеся между собой реакции на внезапно возникшие жизненные обстоятельства способны формировать особенные субкатегории в рамках одного поколения сообразно с формирующим принципом в виде «энтелехии поколения», фокуса (центра) устремленности к открывающимся возможностям утверждать свою обычную идентичность, особенный «стиль поколения». Такие субкатегории, в терминологии эссе «поколенческая фракция/модуль» (*generation unit*), представляют собой мобилизованные образования, формируемые политическими событиями или культурными предпочтениями (современную трактовку «новых контактов» см.: [Bristow, 2016: pp. 19–42]). Кроме того, убыстрение социальных процессов, вызывающее сдвиги в способах воспринимать, думать и реагировать, способствует появлению «предвестников» будущих социальных и ментальных состояний, провозвестников и адептов грядущего реформирования порядков стратификации и дифференциации — в тексте именуемых актуальным поколением. И если возрастная когорта (ровесники) есть биологическая константа, то поколение — вещь фантомная, оно может возникнуть, стать социальным фактом, а может и не возникнуть [Mannheim, 1952: pp. 302–315].

Как социологу знания и познания К. Маннгейму не интересно подыскивать наиболее точное определение того, что такое поколение — не то чтобы низкое, но не обязательное для методолога занятие устанавливать признаки, конституирующие подобную общность. Иное дело создавать приемы наблюдения, формули-

ровать правила распознавания объекта наблюдения. Подлежащая разрешению задача первой важности состояла в том, чтобы вообразить и помыслить поколение во всей сложности/многомерности, не сводимой к определению. Предложенный им словарь (набор концептов) задает контур возможности воспринимать, чувствовать, видеть и узнавать. Задачи же описания и объяснения явлений и процессов в социологии поколений, полагает К. Маннгейм, второстепенны.

Проблемы с «Проблемой поколений» К. Маннгейма

Вместе с тем во второй половине XX века в англоязычной научной и околонаучной литературе, в публичном дискурсе и масс-медиа утвердилось то, что стали называть «generationalism», с неудобочитаемой, потому отсутствующей у нас в публикациях, транслитерацией «генерационализм» или переводом «поколенцизм». Где суффикс «-изм» — всего лишь беспечный, на наш вкус, знак безмерных онтологических и когнитивных притязаний анализа поколений (поколенческого анализа) и его практических применений, не извлекаемых из классического текста. Они результат волюнтаристского расширения, изначально усмотренного и признанного специалистом по социологии знания, что, в свой черед, оборачивается не вызывающей доверия приблизительностью описаний и трактовок [Purhonen, 2016: pp. 103–107].

Поле восприятия эссе «Проблема поколений» в нынешнем веке размещается между двумя контрастными трактовками, хотя их финальные констатации вполне сходны. К. Маннгейм читится, безоговорочно признается в качестве патриарха социологии поколений, а публикация эссе способствовала институционализации оригинального направления в дисциплине. Но возникает сомнение — внимательно ли оно читается. В качестве примера сошлемся на две полярных по содержащемуся в них отношению к К. Маннгейму статьи в уважаемых социологических журналах. В одной его имя называется, но тем все и ограничивается. Во второй развернуто обосновывается фактический отказ от теоретического наследия, содержащегося в эссе 1928 года.

В первом случае имеется в виду статья Дж. Уайта «Thinking generations» о том, как надлежит думать о поколении, где подробно разбирается, что же такое «generationalism» [White, 2013]. В излагаемой предыстории данного явления К. Маннгейм, где ему вроде бы самое место наряду со старшим современником Х. Ортегой-и-Гассетом, не упоминается вовсе. Всего два раза о нем говорится как о «крупном теоретике» понятия «поколение» и в связи с «единицами поколения», хотя некоторые излагаемые сюжеты близко напоминают те, что содержатся в эссе почти столетней давности [White, 2013: pp. 222–231]. Подобное обстоятельство никак не признать случайным. В XXI веке исследователю, работающему в парадигме «generationalism», а значит полагающему конфликт поколений тем ресурсом, что обеспечивает движение истории, не извлечь ничего поучительного из столь давно опубликованной методологической разработки. В английском переводе эссе К. Маннгейма слово «конфликт» встречается всего один раз — в цитате из М. Хайдеггера.

Критическую ревизию классического текста на предмет его эвристической уместности при современном взгляде на поколение, находим в статье С. Абоим и П. Васконселоса [Aboim, Vasconcelos, 2014]. Тут произведена экспликация са-

мого существенного у К. Маннгейма в дефиниции поколения, которое, по мнению авторов, редуцируется к трем аспектам: позиция, актуальное поколение (поколение как субъект), единицы/элементы. Однако все три конститутивных признака не удовлетворительны в силу присущей им проблематичности, которая проистекает из особенностей концептуальных представлений, предвещающих обоснование практик идентификации поколения и сопутствующих ему; они не вносят ясности в понимание эссе К. Маннгейма, скорее закрывают теоретическую и прагматическую перспективу. Имеются в виду и подробно разбираются в статье С. Абоим и П. Васконселоса представления К. Маннгейма о времени, о поколении как субъекте социальных изменений, о единице/элементе поколения, о самосознании/восприимчивости поколения.

Напоминание не отождествлять возрастную когорту с поколением наличествует в соответствующих публикациях, присутствует оно и у реферируемых соавторов. Они небезосновательно настаивают на том, что простая череда возрастных когорт (ровесников), даже две когорты, взятые с определенным интервалом, вовсе не образует поколения, а их сравнение оказывается соотношением не поколений, а разных социально-экономических и политических состояний/контекстов, в которых не собственной волей оказались две возрастные когорты. Столь же метафорично имя «поколение», приписываемое «одноклассникам» или всем студентам, одновременно обучающимся в высшем учебном заведении. Что, впрочем, касается и каких-либо этапов «жизненного пути». Никто не спорит: поколение оформляется в особое «социальное объектно-субъектное образование» под действием комплекса значимых событий и условий жизни, чем и задаются чаще временные, чем постоянные, границы как между поколениями, так и внутри поколения. Но отсюда практически никогда не делается не противоречащий теоретическим построениям К. Маннгейма вывод о том, что допустимы и возможны обстоятельства и события, обращающие возрастную когорту (ровесников) в поколение.

Как и автор первой статьи, С. Абоим и П. Васконселос, признают заслуги К. Маннгейма, но убеждены, что решение проблемы поколений следует искать не там, куда современного социолога направляет классик; не в исходном тексте, а за его пределами. Быть может, не станем спорить, обращение к современным понятиям «структура» и «агентность» (structure & agency) действительно позволяет снять выявленные ими противоречия и ограниченности позиции, изложенной в эссе. Но никак не избавиться от ощущения, будто полемика и приводимая аргументация вызваны недостаточно вдумчивым прочтением публикации, всеми относимой к рубрике «классика».

Между контрастными по способу неприятия наследия К. Маннгейма находится место и попыткам пополнить его позднейшими обретениями социологической мысли. С. Пурхонен, скажем, предлагает воспользоваться трактовкой П. Бурдьё процедуры классификации в социологии [Purhonen, 2016]. Выделяемые социологом категории не являются «реальными» группами, они сконструированы: «классы на бумаге» — едва ли не самое известное определение им итога разнесения по большим рубрикам близких по значению эмпирических признаков. Однако общающиеся между собой индивиды, как правило, культивируют осознание и чувство принадлежности если не к общей судьбе, то к

сходному контексту существования, а потому интенциональны, стремясь быть представленными в социальном и медийном пространстве.

Присутствие же там обеспечивается назначенными или неуполномоченными ораторами, идеологами, выразителями интересов и мнений конструируемой платформы «мы — поколение». Это те, кто обладает правом или способностью репрезентировать коллективную идентичность в виде опыта воодушевления, потрясения, разочарования и памяти о них, кто во всеулышание или наиболее убедительно делает это впервые: «интеллектуальная фракция» поколения, ее элита, представленная лидерами-глашатаями, писателями, художниками. Дискурсивные практики (речи, воззвания, манифесты, беллетристика) усиливают тенденцию мобилизации/объективации поколения, вследствие чего все больше индивидов причисляют себя к подобной общности и понимают, что принадлежат к ней [Purhonen, 2016: pp. 108–109].

Современное поколение социологов не вступает в конфликт с родоначальником дисциплины, претендуя лишь на развитие и уточнение высказанного им. Д. Конноли, например, мягко убеждает нас в том, что Н. Элиас, современный К. Маннгейма, хотя и не писал специально о генерациях, но в своих работах предлагает более эмпирически релевантную их интерпретацию [Connolly, 2019]. Почтительное отношение к оставленному К. Маннгеймом наследию проявляется и в виде упрека исследователям, которые то ли забыли, то ли игнорируют аналитический потенциал, присущий концепту «поколение». Определенно такова тональность введения к коллективной монографии под редакцией Д. Эдмундс и Б. Тернера, которая посвящена сознанию поколения [Edmunds, Turner, 2002: pp. 1–12]. А в первом ее разделе Б. Тернер описывает социальную историю Англии первой половины XX века на примере воевавших индивидов и не воевавших поэтов и писателей в виде динамики смены «активных» и «пассивных» фракций/модулей поколения под влиянием травматического события, каковым была Первая мировая война.

Дж. Бристону не отказать в уважительном и сочувственном отношении к наследию К. Маннгейма, проявившемся в ее небольшой работе о новых направлениях в социологии поколений [Bristow, 2016]. Однако времена меняются, возникают необычные тематизации, обнаруживающие лакуны в подходе основоположника к проблеме поколений. История поколения не для него одного была, прежде всего, историей мужчин. Случившаяся же не столь давно актуализация гендерной проблематики естественно помещает в поле исследовательского интереса проблематику семьи, супружества, отцовских и материнских функций, интимности и репродуктивного поведения в контексте прогрессирующего прагматизма подхода индивидов к «один раз дающейся жизни» [Bristow, 2016: pp. 7–12; 113–116].

Некоторые итоги

Часто предъявляемый в публикациях упрек в том, что теория поколений К. Маннгейма не имеет эмпирических импликаций, выглядит правдоподобным, но таковым не является. Глобальные процессы и состояния — динамика и взаимодействие биологических, социальных и культурных факторов в конституировании поколений, влияние поколений на историческую динамику, на

«дух времени», к которому апеллировал К. Маннгейм, — вообще вряд ли доступны социологическому исследованию, ориентированному на количественные или качественные методы. Несколько озадачивает и то обстоятельство, что «Проблема поколений» до сих пор не прочитана как эссе о методе, о последовательности познавательных-исследовательских действий, позволяющих составить более или менее достоверное представление об изучаемом явлении. Можно иначе, нескладнее: как поступать, чтобы в итоге получить нечто, похожее на «поколение». И не для того, чтобы рассказать о прочем — о различиях и разрывах социальной ткани, разобщении и конфликте, об исторической динамике и ее агентах — но поведать только о нем самом.

Социологическая трактовка генерации и ее социальной структуры у К. Маннгейма, как нам воображается, сводима к следующим высказываниям-уверениям, которые представляют собой смесь морфологических элементов, главных и второстепенных факторов дифференциации и стратификации сверстников (возрастной когорты), а также доминантного когнитивного притязания. Поколение, тогда, видится сообществом близких по возрасту индивидов, характеризующимся некоторым набором признаков, каждый из которых может быть основой классификации/структурирования. Когнитивная уместность генерализаций, полученных операцией по группировке индивидов в категории, подтверждается или опровергается не раз и навсегда, но ситуативно, а достоверность интерпретаций описанной исследователем проблемной ситуации всегда оставляет шанс сомнению. Возрастная когорта в статусе поколения заведомо оказывается неоднородным объектом, а конструкты в виде продуктов операции таксономии — не более чем аналитическими инструментами обществоведа, релевантность которых периодически заново тестируется эмпирическим материалом (А).

Поколение, далее, может быть определено как некая коллективная, более или менее отчетливо осознанная идентичность, локализованная в определенном социально-культурном, политическом, временном контексте, с предписанной в нем и самостоятельно изобретенной ролью позитивной или негативной модальности, привнесенной извне или только предприимчиво признанной. Идентичность с имплицитным набором образцов как чувствовать, воспринимать, оценивать, помнить, реагировать посредством мнения или действием (Б).

В некоторых, априорно не устанавливаемых обстоятельствах, у поколения появляется шанс стать субъектом преобразующего (инновационного) действия, направленного на совершенствование/изменение социальных порядков и отношений. Поколение допустимо или небезынтересно изучать на предмет того, является ли оно значимым фактором (сегодня говорят «драйвером») социальной динамики, воспользовалось ли оно таким случайно выпавшим шансом (В). Поколение — и чисто биологический феномен (индивиды, родившиеся в одном году, а также следующее поколение через, как у К. Маннгейма, 30 лет), и «социально сконструированный» событиями или «новыми контактами». События эти, большей частью незванные вторжения, оказываются прививками времени в тело поколения, вызывая реакцию дифференциации, проводя границу между поколениями и внутри того, которое захвачено событием, формируя ощущение (эмоции) и осознание индивидами единства/сопричастности и дистанцированности, солидарности и отчужденности. С. Пурхонен, перефразируя П. Бурдьё, напоминает, что отдельные возрастные когорты с большей вероятностью явля-

ются поколением, чем другие. Значимые исторические события повышают, безусловно, шансы возрастной когорте именоваться поколением. К тому же события обыкновенно обозначают метку на оси времени — начало или обещание изменений, не проговариваясь о гарантиях и длительности процесса. И, фактически, оставляя прерогативу абстрагироваться от жесткости институтов и неподатливости частных и групповых интересов, а также строить ожидания и впасть в иллюзии осуществимости благих желаний и идеалов в распоряжении индивидов (Г). Одновременное сосуществование поколений (генераций) естественным образом вводит историческое измерение, историю — прошлое, настоящее, будущее. Тем самым актуализируется проблема преемственности и наследования в процессе социализации новых поколений, а также транслирования опыта и памяти в будущее. Социолог, согласно известному наставлению Ч.Р. Миллса, для понимания происходящего обязан соотносить биографию и историю (Д). Богатая лексика выявления пространственно-временной гетерогенности поколения оказывается *способом наблюдения* (прерогатива социолога) за социальной динамикой с одновременно умеренными притязаниями быть *способом ее объяснения*, поскольку, согласно К. Маннгейму, поколение — лишь один из многих и явно не доминантный фактор трансформации порядков и иерархий (Е).

Итак, социология социальной структуры поколения преимущественно является способом наблюдения, фиксации и описания трансформаций морфологического строения сообщества, именуемого «генерация». Неоднородность возрастной когорты предписана происхождением из разных типов семей и рождением в определенном регионе и типе поселения. В ходе первичной социализации формируются общие образцы мировосприятия и мировидения, отношение к прошлому, настоящему и будущему на основе интернализированных ценностей, стандартов и норм поведения. Степень стратифицированности заданных рождением жизненных шансов и возможностей, впоследствии корректируется или же закрепляется институтами среднего и высшего образования, что отслеживается в исследованиях профессиональной и статусной мобильности. События способны возводить возрастную когорту в статус поколения, конструировать идентичность («мы», совместно разделяемые способы чувствовать, думать, действовать) и, почти синхронно, дифференцировать ровесников, устанавливая различия и дистанции.

Источники

Бойко, В.А. (2014). Феномен покоління: особливості соціологічної концептуалізації. *Грані*, 12 (116), 158–162.

Дубин, Б. (2002). Поколение: социологические границы понятия. *Мониторинг общественного мнения*, 2 (58), 11–15.

Головаха, Е. (1988). Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка.

Заборовский, В. (2005). Эволюция социальной структуры: перспектива поколений. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 1, 8–35.

Зарембо, К. (2017). Українське покоління Z: цінності та орієнтири. Результати загальнонаціонального опитування. За ред. К. Зарембо. Київ: Центр «Нова Європа».

Іваненко, О. (2019). Покоління Y: чи легко бути молодим. *Соціальні виміри суспільства*, 11 (22), 304–319.

- Колот, А.М., Герасименко, О.А. (2020). Покоління Z і соціально-трудова платформа «Праця 4.0»: імперативи взаємодії. *Демографія та соціальна економіка*, 2 (40), 103–138.
- Левада, Ю. (2001). Покоління ХХ века: Возможности исследования. *Мониторинг общественного мнения*, 5 (55), 7–14.
- Левада, Ю., Шанин, Т. (2005). *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. Москва: Новое литературное обозрение (НЛО).
- Магун, В. (1998). *Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы*. Москва: Институт социологии РАН.
- Макеев, С. (2013). Огюст Конт: біля витоків соціологічної уяви. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 184–198.
- Нагорняк, К.М. (2020). Цінності поколінь X, Y та Z в Україні. *Український соціум*, 2 (73), 110–122.
- Оксамитна, С., Виноградов, О., Малиш, Л., Марцинюк, Т. (2010). *Молодь України: від освіти до праці*. Київ: Національний Університет «Кієво-Могилянська академія».
- Оксамитна, С. (2011). *Міжгенераційна класова та освітня мобільність*. Київ: Національний Університет «Кієво-Могилянська академія».
- Радаев, В. (2019). *Миллениалы: Как меняется российское общество*. Москва: Высшая школа экономики.
- Сенюшкіна, Т. (2013). Проблема досягнення міжпоколінної солідарності в Україні. *Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф.Кураса НАН України*, 5 (67), 184–221.
- Шанин, Т. (2005). История поколений и поколенческая история России. *Человек, Сообщество, Управление*, 3, 6–25.
- Aboim, S., Vasconcelos, P. (2014). From political to social generations: A critical reappraisal of Mannheim's classical approach. *European Journal of Social Theory*, 17 (2), 165–183.
- Bristow, J. (2016). *The Sociology of Generations. New Directions and Challenges*. London: Palgrave Macmillan.
- Connolly, J. (2019). Generational Conflict and the Sociology of Generations: Mannheim and Elias Reconsidered. *Theory, Culture & Society*, 36 (7–8), 153–172.
- Edmunds, J., Turner, B. S. (2002). Introduction: Generational Consciousness, Narrative and Politics. In: *Generational Consciousness, Narratives, and Politics*. Ed. by J. Edmunds, B.S. Turner. New York, Oxford: Rowman & Littlefield.
- Edmunds, J., Turner, B. S. (2005). Global generations: social change in the twentieth century. *The British Journal of Sociology*, 56 (4), 559–577.
- Mannheim, K. (1952). The Problem of Generation. In: *Essays on the Sociology of Knowledge*. Oxford University Press.
- Pickering, M. (1993, 2009). *Auguste Comte. An intellectual biography*. Cambridge University Press. [Vol. I, 1993; Vol. II, 2009; Vol. III, 2009].
- Purhonen, S. (2016). Generations on paper: Bourdieu and the critique of «generationalism». *Social Science Information*, 55 (1), 94–114.
- White, J. (2013). Thinking generations. *The British Journal of Sociology*, 64 (2), 216–247.

Получено 12.03.2021

References

- Aboim, S., Vasconcelos, P. (2014). From political to social generations: A critical reappraisal of Mannheim's classical approach. *European Journal of Social Theory*, 17 (2), 165–183.
- Boiko, V.A. (2014). The phenomenon of generation: features of the sociological conceptualization. [In Ukrainian]. *Facet*, 12 (116), 158–162. [= Бойко 2014]
- Bristow, J. (2016). *The Sociology of Generations. New Directions and Challenges*. London: Palgrave Macmillan.
- Connolly, J. (2019). Generational Conflict and the Sociology of Generations: Mannheim and Elias Reconsidered. *Theory, Culture & Society*, 36 (7–8), 153–172.

- Dubin, B. (2002). Generation: sociological boundaries of the concept. [In Russian]. *Public opinion monitoring*, 2 (58), 11–15. [= Дубин 2002]
- Edmunds, J., Turner, B. S. (2002). Introduction: Generational Consciousness, Narrative and Politics. In: *Generational Consciousness, Narratives, and Politics*. Ed. by J. Edmunds, B.S. Turner. New York, Oxford: Rowman & Littlefield.
- Edmunds, J., Turner, B. S. (2005). Global generations: social change in the twentieth century. *The British Journal of Sociology*, 56 (4), 559–577.
- Golovakha, E. (1988). *Life perspective and professional self-determination of youth*. [In Ukrainian]. Kyiv: Naukova dumka. [= Головаха 1988]
- Ivanenko, O. (2019). Generation Y: is it easy to be young. [In Ukrainian]. *Social dimensions of society*, 11 (22), 304–319. [= Іваненко, 2019]
- Kolot, A.M., Herasymenko, O.A. (2020). Generation Z and socio-labor platform «Work 4.0»: interaction imperatives. [In Ukrainian]. *Demography and social economy*, 2 (40), 103–138. [= Колот, Герасименко 2020]
- Levada, Y. (2001). Generations of the 20th Century: Research Opportunities. [In Russian]. *Public Opinion Monitoring*, 5 (55), 7–14. [= Левада 2001]
- Levada, Y., Shanin, T. (2005). *Fathers and Sons: A Generational Analysis of Contemporary Russia*. [In Russian]. Moscow: Novoye literaturnoe obozrenie (NLO). [= Левада, Шанин 2005]
- Magun, V. (1998). The revolution of aspirations and changes in the life strategies of young people: 1985–1995. [In Russian]. Moscow: Institute of Sociology RAS. [= Марун 1998]
- Makeiev, S. (2013). Auguste Comte: at the origins of the sociological imagination. [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 2, 184–198. [= Макеев 2013]
- Mannheim, K. (1952). The Problem of Generation. In: *Essays on the Sociology of Knowledge*. Oxford University Press.
- Nagorniak, K.M. (2020). Generation X, Y and Z values in Ukraine. [In Ukrainian]. *Ukrainian society*, 2 (73), 110–122. [= Нагорняк 2020]
- Oksamytna, S., Vynohradov, O., Malysh, L., Martseniuk, T. (2010). *Youth of Ukraine: from education to work*. [In Ukrainian]. Kyiv: National University «Kyiv-Mohyla Academy». [= Оксамитна 2010]
- Oksamytna, S. (2011). *Intergenerational class and educational mobility*. [In Ukrainian]. Kyiv: National University of Kyiv-Mohyla Academy. [= Оксамитна 2011]
- Pickering, M. (1993, 2009). *Auguste Comte. An intellectual biography*. Cambridge University Press. [Vol. I, 1993; Vol. II, 2009; Vol. III, 2009]
- Purhonen, S. (2016). Generations on paper: Bourdieu and the critique of «generationalism». *Social Science Information*, 55 (1), 94–114.
- Radaev, V. (2019). *Millennials: How Russian society is changing*. [In Russian]. Moscow: High School of Economics. [= Радаев 2019]
- Seniushkina, T. (2013). The problem of achieving intergenerational solidarity in Ukraine. [In Ukrainian]. Scientific notes of the I.F. Kuras Institute for Political and Ethnonational Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, 5 (67), 184–221. [= Сенюшкіна 2013]
- Shanin, T. (2005). The history of generations and the generational history of Russia. [In Russian]. *Human, Community, Governance*, 3, 6–25. [= Шанин 2005]
- White, J. (2013). Thinking generations. *The British Journal of Sociology*, 64 (2), 216–247.
- Zaborovskii, V. (2005). Evolution of social structure: a generational perspective. [In Russian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 1, 8–35. [= Заборовский 2005]
- Zarembo, K. (2017). *Ukrainian Generation Z: values and guidelines. Results of a nationwide survey*. [In Ukrainian]. Kyiv: Tsentri «Nova Yevropa». [= Зарембо 2017]

Received 12.03.2021

НАТАЛІЯ КОВАЛІСКО, СЕРГІЙ МАКЕЄВ

Соціологія соціальної структури покоління

У соціології поняття «покоління» зазвичай відсилає до різних соціальних категорій. Це і когорта ровесників, і когорта з декількох років народження — як в дослідженнях соціальної

мобільності, а також спільнота тих, хто поділяє прийнятні цінності, одночасно пережив значущі події, є носієм схожого досвіду і пам'яті. Оскільки О. Конт, Е. Дюркгайм та М. Вебер не сказали про покоління нічого значущого, остільки теоретичну рефлексію в сучасній літературі продовжує порушувати головний есей К. Мангайма «Проблема поколінь». Вміщені в ньому пізнавальні інтуїції мають пріоритетний статус, але в опублікованих оглядах констатується, що емпіричний потенціал викладеної там концепції мінімальний, а нові часи вимагають нових підходів до аналізу ролі поколінь в інтенсифікації соціальної динаміки та руху історії. У статті позначені концептуальні рамки спостереження за соціальною структурою покоління.

Ключові слова: К. Мангайм, соціальна структура, покоління, вікова когорта, подія, пам'ять

НАТАЛІЯ КОВАЛИСКО, СЕРГІЙ МАКЕЄВ

Социология социальной структуры поколения

В социологии понятие «поколение» обычно применимо к самым разным социальным категориям. Это и когорта ровесников, и когорта из нескольких годов рождения — как в исследованиях социальной мобильности, а также общность тех, кто разделяет приемлемые ценности, одновременно пережил значимые события, является носителем сходного опыта и памяти. Поскольку О. Конт, Э. Дюркгейм и М. Вебер не сказали о поколении ничего значимого, постольку теоретическую рефлексию в современной литературе продолжает возбуждать основополагающее эссе К. Маннгейма «Проблема поколений». Содержащиеся в нем познавательные интуиции имеют приоритетный статус, но в публикуемых обзорах констатируется, что эмпирический потенциал изложенной там концепции минимален, а новые времена требуют новых подходов к анализу роли поколений в интенсификации социальной динамики и движения истории. В статье обозначены концептуальные рамки наблюдения за социальной структурой поколения.

Ключевые слова: К. Маннгейм, социальная структура, поколение, возрастная когорта, бытие, память

NATALIA KOVALISKO, SERHII MAKEIEV

Sociology of generation's social structure

In sociology, the concept of «generation» is usually applied to a wide variety of social categories. This is a cohort of peers, and a cohort of several years of birth — as in studies of social mobility, as well as a community of those who share acceptable values, simultaneously experienced significant events, is a bearer of similar experiences and memories. Theoretical reflection in modern literature continues to excite the fundamental essay of K. Mannheim «The Problem of Generations». The cognitive intuitions it contains have a priority status, but the published reviews state that the empirical potential of the concept outlined there is minimal, and new times require new approaches to analyzing the role of generations in the intensification of social dynamics and the movement of history.

Sociology of the social structure of a generation is mainly a way of observing, fixing and describing the transformations of the morphological structure of a community. The heterogeneity of the age cohort is prescribed by origin from different types of families and birth in a particular region and type of settlement. In the course of primary socialization, general patterns of worldview and worldview are formed, an attitude to the past, present and future on the basis of internalized values, standards and norms of behavior. The degree of stratification of life chances and opportunities given by birth is subsequently corrected or fixed by institutions of secondary and higher education, which is monitored in studies of professional and status mobility. Events are capable of elevating an age cohort to the status of a generation, constructing an identity («we,» shared ways of feeling, thinking, acting) and, almost synchronously, differentiating peers, establishing differences and distances.

Key words: K. Mannheim, social structure, generation, age cohort, event, memory